

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

Я. ГРИММ О СТРУКТУРНЫХ ФУНКЦИЯХ ВОКАЛИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ

(К 200-летию со дня рождения)

В истории языкознания с именем Якоба Гримма обычно связывается открытие закона передвижения согласных в германских языках, который иногда даже именуется «законом Гримма». Сформулированный на основе систематизации ряда наблюдений, некоторые из которых делались и ранее, закон этот сразу приобрел значение, далеко выходящее за пределы германистики. Явившись первой констатацией закономерности звуковых соответствий между родственными языками, он был призван содействовать выработке научного метода сравнительного языкознания, делавшего в начале XIX в. свои первые шаги. Более того, открытие «закона» оказывалось заявкой на определенное направление развития языкознания как научной дисциплины, претендовавшей на точность методов исследования и имевшей дело не с хаотической массой разрозненных фактов, но с системой явлений, которым присущи особые закономерности.

Непосредственный и очень значительный по своим научным результатам эффект этого открытия оставил в теориях других теоретически важных положений, содержащихся в Немецкой грамматике Я. Гримма [1]. В частности, это относится к вопросам, связанным с характером и структурной ролью звуковых чередований, теория которых была также впервые создана Я. Гриммом.

В качестве элементарных основ германистики обычно усваиваются сведения о том, что Я. Гримм создал термины «аблаут» (Ablaut), «умлаут» (Umlaut), «преломление» (Brechung), естественно, в связи с описаниями соответствующих явлений, развернутыми в его Немецкой грамматике. Однако мало кто задумывается над тем, каким научным достижением были определение характера всех этих явлений, систематизация их роли в структурах отдельных германских языков, описание динамики их существования в отдельные исторические периоды. Все это надо было проследить, описать, обобщить, осмыслить с точки зрения определяющих закономерностей, а также структурных функций различных видов вокалических альтернатив, составляющих характерную особенность германских языков. Иначе говоря, надо было создать теорию. И такая теория последовательно создавалась Я. Гриммом.

Хотя концепция вокалических чередований была разработана Гриммом только на материале германских языков, лишь с некоторыми экскурсами в область общей индоевропеистики, значение ее выходило за пределы собственно германистики. Если говорить о началах морфологии как особой лингвистической дисциплины, то справедливость требует упоминания о наблюдениях и обобщениях Я. Гримма.

Проблема вокалических чередований занимает большое место в Немецкой грамматике, и последовательная ее разработка проходит сквозной линией через прижизненные издания этого фундаментального труда. Единственный том первого издания, вышедший в 1819 г., был построен именно как грамматика в собственном смысле слова, включив в себя только описание системы словоизменения и функций частей речи. Примечательной чертой уже в этом первом варианте явилось сравнительное изложение материалов всех германских языков, преимущественно в их древ-

них состояниях. После теоретически важного Введения, содержавшего критику предшествующих грамматик, обоснование метода грамматики исторической, а также обзор источников по всем древним германским языкам, в основной части тома изложение строилось в традиционном порядке следования разделов: 1) Склонение существительных, прилагательных, числительных, местоимений; 2) Спряжение. Раздела о звуках не было, однако при изложении систем склонения и спряжения уже были даны сведения о морфологическом использовании фонетических чередований — умлаута и аблаута. Так, в разделе «Пояснения к склонению существительных в немецком языке» читаем: «В немецком склонении используются два основных средства: присоединяющиеся окончания и обусловленный умлаут. Но так как последний не выступает сам по себе, а только лишь кажется иногда самостоятельным [явлением] и собственно обусловлен окончанием, то именно употребление окончаний следует считать истинной закономерностью, полностью определяющей склонение» [1, с. 131]. И далее Grimm указывает, что умлаут обнаруживается не всегда и не во всех германских языках и что, в частности, он отсутствует в готском.

Таким образом, отведя умлауту роль одного из формальных средств, используемых в построении системы именного склонения в немецком языке, Grimm сразу же существенно ограничил его роль указанием на сопутствующий характер умлаута как грамматического средства и на его обусловленность фонетическим составом окончания (речь идет о влиянии гласного *i* в окончании на гласный *a* корневого слога).

Можно заметить, что уже в своем первом опыте составления историко-сравнительного описания грамматического строя германских языков Grimm удалось сформулировать основы фономорфологического подхода к явлению умлаута — учтены не только его фонетическая обусловленность, но и степень его функционального использования в качестве грамматического средства. При описании склонения в отдельных германских языках Grimm подчеркнул своеобразие развития умлаута в древнесеверном (т. е. в древнеисландском), проявлявшееся не только в интенсивности проведения перегласовки корневого *a* под влиянием гласного *i* в окончании, но также и под влиянием гласного *u*, например, в форме дат. п. мн. ч.: *dōgum* [dɔgum], *mōgum* [mɔgum] и др. [1, с. 168—169].

В отношении склонения в средневерхнегерманском языке Grimm специально обратил внимание на то, что, хотя в падежных окончаниях уже не было гласного *i*, вызывавшего переход *a* в *e*, умлаутированный гласный в корневом слоге продолжал сохраняться и более того, обнаруживался также переход *o* > *ö*, *u* > *ü*. И в этой связи Grimm говорил о значительной «свободе» языка в отношении использования или неиспользования умлаута, находившейся, как он полагал, «в тесной зависимости от все возрастающей склонности языка к тому, чтобы полностью отбросить окончания *e*» [1, с. 176].

В главе, посвященной общей характеристике германского спряжения, Grimm очень решительно высказал развивавшуюся им в дальнейшем мысль о том, что аблаут — это структурное явление, определяющее основную систему построения глагольных форм, а также связанное с глаголом словообразование.

Grimm была категорически отвергнута традиционная для старых немецких грамматик оценка аблаутных глаголов как «неправильных»¹. Наоборот, он усматривал в этих глаголах высшую степень упорядоченности, в которой, как он полагал, проявилось действие «языкового духа». Представляя себе древнейшую германскую систему спряжения по образцу готской, Grimm отметил также значение удвоения корневого слога как второго после аблаута средства построения «сильных», т. е. основных и древнейших глаголов, которым он противопоставлял «слабые» — производные и имеющие более позднее происхождение. Эти положения, изложенные Я. Grimmом в первом варианте его большого труда, развивались

¹ Почти столетием ранее аналогичная точка зрения получила развитие в труде голландского ученого Л. Тейн Кате [2].

и углублялись им в процессе дальнейшего изучения и описания грамматической структуры германских языков.

Вариант 1819 г. остался предварительным наброском широко задуманной Немецкой грамматики, полное издание которой начало выходить в 1822 г. Первый том этого издания открывался специальным разделом «О буквах» (*Von den Buchstaben*). Мне представляется упрощенным нередко высказываемое мнение о том, что Я. Гримм будто бы еще не достиг понимания различия между «звуком» и «буквой». Такое суждение о тонком лингвисте, каким был Гримм, по меньшей мере наивно. Заглавием «О буквах» он скорее всего хотел подчеркнуть принадлежность соответствующего раздела к грамматике в собственном смысле слова. Грамматику он понимал как дисциплину, рассматривающую значимые формы и образующие их значимые звуковые элементы; соотношениям между этими элементами, выражающимся в закономерных чередованиях, он отводил очень большую роль при изучении внутреннего строя германских языков.

Говоря о «подразделениях букв» (*Einteilungen der Buchstaben*) и пользуясь термином «вокализм», Гримм подчеркнул особое положение вокализма в германских языках, в которых этот последний имеет «особенно глубокую значимость» (*besonders tiefe Bedeutung*) [3, с. 4]. При этом он указал на важность вокализма не только для грамматики, но и для этимологических исследований, т. к. признание регулярных соотношений между огласовками позволяет сделать «наиболее надежные и содержательные выводы касательно происхождения слов и их производства (*Ableitung*)» [3, с. 5]. Весьма существенным следует считать сделанное Гриммом краткое замечание о необходимости четко различать «между значением и историей гласных в корне слова и в окончаниях» [3, с. 5], а также учитывать значительную степень изменяемости гласных в окончаниях.

Остановливаясь специально на явлениях умлаута, Гримм во втором варианте Немецкой грамматики большее внимание уделил фонетической стороне вопроса. Исходной позицией для него явилось предложенное им подразделение гласных на «чистые» (*reine*) или «густые» (*dichte*) и «замутненные» (*trübe*) или «тонкие» (*dünne*). К первым он отнес *a*, *o*, *u*, ко вторым *e*, *ö*, *ü*. Гласный *i*, не способный, как он полагал, к «замутнению» (*Trübung*), занимает промежуточное положение. Умлаут Гримм определил как «замутнение гласного корня, причиняемое последующим гласным» [3, с. 9]. Способность вызывать умлаут обладают гласные *i* и *u* (последний только в древнеисландском). Действие умлаута может сохраняться и после отпадения вызвавшего его гласного (*versteckter Umlaut*). Следовательно, «каждый умлаут предполагает существующую или, по меньшей мере, ранее существовавшую двусложность слова; *i* или *u*, действуя из второго слога, вызывают умлаут внутри корня» [3, с. 9].

С исторической стороны Гримм характеризует умлаут не как первоначальное и общее для германских языков явление, но как явление, возникающее позднее и по-разному развивающееся в отдельных языках. Именно с этой точки зрения он противопоставляет умлауту аблаут, определяемый им как «присущее всем германским языкам существенное соотношение различных вокалических чередований». И далее: «В результате действия определенных закономерностей, вплетенных во внутреннее строение нашего языка, гласные звуки (*Vokallaute*) самих корней сменяют друг друга без какого-либо воздействия со стороны окончаний» [3, с. 10].

В главе о спряжении специально подчеркнута роль аблаута как средства (наряду с удвоением) образования сильного претерита, который Гримм выразительно характеризовал как «главное украшение» (*Hauptschönheit*) немецкого языка [3, с. 836].

Во втором томе Немецкой грамматики, вышедшем четырьмя годами позже, Гримм снова обратился к вопросу о роли аблаута в строе германских языков, на этот раз в связи с темой словообразования. В предисловии к этому тому он подчеркнул мысль о том, что «основная форма нашего сильного спряжения пронизывает собою все остальные типы образования слов» [4, с. 8]. Далее Гримм старается обосновать свой тезис о тесной взаи-

мосвязи, существующей между аблаутом и природой корней. Он подчеркивает «вероятность того, что как между корнями и основным принципом (Grundsatz) аблаута, так и между аблаутом и природой корней существует определенная общность. Все это соотношение надлежит показать с помощью отдельных фактов» [4, с. 8].

Средством обоснования этого тезиса явилась развернутая во втором томе Немецкой грамматики попытка классифицировать древнегерманский корнеслов, распределив его по трем разрядам: 1) сохранившиеся сильные глаголы; 2) утерянные сильные глаголы; 3) «осиротевшие», т. е. изолированные корни (*verwaiste Wurzeln*). Установленные Гриммом 74 лексических гнезда представляются во многом спорными с точки зрения современного уровня этимологических исследований, особенно если учесть несоответствие гриммовской реконструкции формулы аблаута позднее установленной научной интерпретации закономерностей индоевропейского вокализма. И тем не менее концепция аблаута, развернутая в Немецкой грамматике Я. Гримма, интересна как смелая попытка определения общих структурных принципов взаимосвязи фонетических и морфологических явлений, характерных для внутреннего строения германских языков. «Господство над корнями аблаутного принципа» (*die Herrschaft des ablautenden Prinzips über Wurzeln*) было, как полагал Гримм, свойственно древнейшей структуре германского формо- и словообразования.

Следующим шагом в развертывании концепции Гримма было обращение к семантике. Исследование «анатомии формы» (*die Anatomie der Form*) должно быть, как он полагал, дополнено обращением к значению, которое является «душою слов» (*die Seele der Wörter*). Надлежит обнаружить след «тайных ходов и различий языкового духа» (*«geheimen Gängen und Unterscheidungen des Sprachgeistes auf die Spur geraten»*) и связать изучение формы с принципами образования значений, проследив «превращения материи и смысла» (*Verwandlungen des Stoffs und des Sinns*), на взаимопроникновении которых основывается в конечном счете богатство языка [4, с. 77—78].

Обрисовав эту общую перспективу семантического исследования, в решении конкретного вопроса о значениях, связанных с отдельными ступенями аблаута, Гримм, естественно, не мог продвинуться дальше констатации их соотносительности со значениями времени, числа и склонения в системе рядов германского сильного глагола.

В предисловии к третьему изданию Немецкой грамматики Гримм писал: «После восемнадцатилетнего перерыва... я заново обрабатываю широкое поле немецких звуков и флексий (теперь уже в последний раз)» [5, с. XI]. В этом очень содержательном тексте отразились глубокие раздумья автора относительно путей исследования языкового материала. С одной стороны, Гримма привлекал филологический путь, ориентированный на изучение литературных памятников и через них открывавший возможность постижения содержательной стороны языковых форм. Но, с другой стороны, Гримм видел и оценивал важность для науки другого пути — пути проникновения во внутреннее строение языка, исследования, при котором именно познание самого языка является непосредственной целью. В соответствии с идеями сравнительного языкознания, получившими развитие к середине XIX в., он считал возможным сопоставлять методику лингвистического исследования звуков и форм родственных языков с методами расчленения и сравнения явлений, применяемыми в сравнительной анатомии. И в этой связи он решал очень важный для всей его историко-грамматической концепции вопрос об отношении германистики как специальной лингвистической дисциплины к индоевропейскому сравнительному языкознанию. Гримм полагал, что было бы нелепо отрицать или умалять преимущества, которые для изучения германских языков дает сравнение с фактами других родственных языков, т. к. оно позволяет лучше понять и объяснить «собственное языковое достояние, а также перекинуть мост к далеким временам и странам, с которыми было некогда связано его [языка] прошлое». Однако Гримм считал неразумным преувеличивать значение принадлежности германских языков к древнейшему язы-

ковому единству при изучении живого своеобразия их строения. Он усматривал преимущество изучения немецкого и других непосредственно родственных ему языков в том факте, что «теория их форм еще твердо не сложилась и что лишь недавно начались попытки их исторической интерпретации». Отсутствие установившейся грамматической традиции создает возможность, как он полагал, более гибкого подхода и концентрации внимания в первую очередь на том, что составляет своеобразие этих языков. «Именно этим путем, — заключил свое рассуждение Grimm, — я шел в интерпретации аблаута» [5, с. XV]. Скрытым подтекстом этого заявления была полемика с Фр. Боппом, подвергшим критике гриммовскую концепцию аблаута с точки зрения сравнения ее с древнеиндийской схемой вокалических альтернатив [6].

Примечательно следующее программное заявление Я. Гримма, в котором он со всей определенностью подчеркнул свое убеждение относительно своеобразия, присущего каждому языку, а также требование исторического подхода при изучении языковых фактов: «Каждый язык стоит на своих собственных ногах и сам себе предписывает законы; однако только история открывает нам тихую связанность (*den stillen Zusammenhang*) нашей современности с древностью, открывает причины возникновения нынешних правил из совершенно иных, более ранних» [5, с. 2]. В атмосфере всеобщего увлечения открывшейся перспективой индоевропейских реконструкций, с неперменным обращением к грамматике санскрита, по образцу которой в середине XIX в. представлялось строение праязыка, Я. Grimm настойчиво и уверенно отстаивал право обоснования собственной оригинальной концепции структурных особенностей германских языков. В первую очередь это касалось, как он сам признавал, проблем вокализма.

В разделе, озаглавленном «Учение о звуках» (*Lautlehre*). Grimm изложил свою теорию первоначальной «органической» троицы основных кратких гласных (*Grundvocale*) *a*, *i*, *u*, схематически изобразив ее в виде треугольника. В расширенный вариант этой схемы включены также: гласный *e*, помещенный между *a* и *i*, и гласный *o* — между *a* и *u*, которые Grimm считал возникшими в результате «преломлений» (*Brechungen*). Совершенно ясно, что исходной моделью для Гримма послужил вокализм готского языка. Дополнительную аналогию давала также схема древнеиндийского вокализма, установленная в индийской грамматической традиции и отразившая характерную для древнеиндийского языка утрату различия между тремя индоевропейскими краткими гласными (**e*, **o*, **a*).

Основная формула индоевропейского аблаута (**e* : **o*) в то время еще не была выделена, а обращение к фактам греческого языка не казалось достаточно убедительным. Роль сонантов в построении формул аблаута также, естественно, еще не могла быть учтена. Поэтому не приходится удивляться тому, что Grimm построил свою схему рядов аблаута сильных глаголов, основываясь прежде всего на материале самих германских языков, из которых готские, пораженные своей структурной упорядоченностью, представлялись ему в наибольшей мере отражающими исходное состояние.

К сравнению с чередованиями гласных в других индоевропейских языках Grimm обращался и ранее, причем наиболее сходными с германскими ему казались греческие формы. Однако в новом издании *Немецкой грамматики* он нашел нужным специально остановиться на отличиях германского аблаута от древнеиндийских вокалических чередований, обозначенных в индийских грамматиках термином «гуна». Вопрос этот был polemически поставлен Боппом, и Grimm отвечал на его критику с позиций собственной концепции. Сущность спора состояла в том, что, в отличие от Боппа, который доказывал чисто фонетическую обусловленность смены огласовок в древнеиндийских формах соответственно «тяжестью» или «легкостью» окончаний и предполагал аналогичную фонетическую зависимость также и для германских аблаутных форм, Grimm считал аблаут чисто «динамическим» явлением, существующим в качестве средства выражения глагольных значений, вне какой-либо связи с фонетическим

окружением. Он полагал, что аблаут, развившийся как организующий принцип глагольного формообразования, в дальнейшем превратился в общий закон структуры германских языков, в чем и заключается ее своеобразие. «Для истории немецкого языка и для определения его сущности, — писал он, — вряд ли можно выделить более важное явление, чем подвижные и гибкие соотношения гласных звуков, образование которых, выходя за временные пределы наших древнейших письменных памятников... до сих пор сохраняет свой неизменяемый тип» [5, с. 574].

В отношении явлений умлаута, который теперь был лаконично определен как «воздействие на гласный корня гласного последнего слога» [5, с. 553], в новом издании Грамматики снова был подчеркнут факт его функционального использования в структуре германских языков, в особенности немецкого: «первоначально лишь сопровождая флексию, в нововерхненемецком языке он почти превратился во флективный принцип» [5, с. 554]. При этом, конечно, было указано на относительно позднее появление и постепенность развития, а также на неодинаковую степень распространения этого явления в отдельных германских языках.

Гримм считал роль умлаута в структуре немецкого языка более значительной, чем роль «преломления» и других звуковых явлений. «Но все эти изменения гласных, — писал он, — совершаются на поверхности языка», они «не проникают собственно в построение корней», в отличие от «закона аблаута, который ведет нас во внутреннюю мастерскую языка и позволяет проникнуть взглядом в его глубочайшие тайны» [5, с. 556]. И тем не менее Гримм признавал, что в немецком языке роль умлаута существенно изменилась и он превратился из чисто фонетического явления в одно из используемых языком флективных средств. Если переформулировать содержание концепции звуковых чередований в германских языках, последовательно развивавшейся Я. Гриммом от издания к изданию его Немецкой грамматики, в терминах современных лингвистических понятий, то можно сказать, что это было открытие одного из определяющих признаков языковой структуры германских языков. Уже в ранних изданиях намечались подходы к этому открытию. В последнем издании, первый том которого появился в 1840 г., а также в Истории немецкого языка [7] Я. Гримм изложил свою теорию структурной роли вокалических чередований с полной определенностью, хотя и в характерной для него романтической манере выражения. С этой точки зрения интересны следующие его мысли, высказанные в первом томе 3-го издания Немецкой грамматики: «...существует удивительная взаимосвязь между законами звуков (*Gesetze der Laute*) и флексиями» [5, с. 21]. «В аблауте я усматриваю подлинную жизнь, иначе говоря, дыхательную силу немецких корней; в этой приятной смене гласных выражается полнота нашего вокалического благозвучия» [5, с. 35]. Аблаут — это важнейший вокалический закон, «проникающий в самое внутреннее ядро (*ins innerste Mark*) отношений между словами... Образуются определенные ряды, в соответствии с которыми закономерно чередуются по меньшей мере два, обычно три, иногда даже четыре гласных звука внутри одного и того же слова» [5, с. 34—35]; «...господство аблаутного принципа простирается не только на корни. Я думаю, что мне удалось показать, что с его формулами также непосредственно связаны гласные именных и глагольных флексий, как и типы словообразования» [5, с. 35].

Признавая наличие аблаута также в греческом языке, Гримм подчеркивает особенную силу и закономерность его проявления именно в германских языках. «Греческий и еще решительнее германский аблаут, разросшись, превратились в общую закономерность, охватывающую спряжение и словообразование» [5, с. 577—578]. Даже если согласиться с тем (Гримм частично был готов уступить критике, исходившей от Боппа), что при возникновении его определенную роль могли играть фонетические условия, «то в дальнейшем языковой гений не мог не воспользоваться преимуществом, которое давало звуковое чередование внутри корня для выражения темпоральных и модальных значений» [5, с. 578].

Может показаться, что Гримм чрезмерно увлекся, считая аблаут

основной закономерностью, определяющей всю структуру древнегерманского корнеобразования. Вероятно, именно так это воспринималось современниками, а в дальнейшем представителями младограмматического позитивизма, с их атомизирующим подходом к истории звуков и форм, в которой они видели лишь рядоположенность отдельных причинно-следственных линий развития и корректирующих их процессов аналогического выравнивания. Романтик Я. Гримм стремился к познанию общих закономерностей, определяющих структуру целого, иначе говоря, системы, и в этом отношении его понимание структурной роли германского аблаута в известной мере предвосхищало исследования строения индоевропейского корня в трудах компаративистов нового времени. Прозрения Гримма основывались, однако, скорее на острой научной интуиции, чем на систематическом изучении поставленной проблемы; методика его лингвистического анализа была еще очень далека от современного подхода к закономерностям индоевропейского вокализма.

Жизненность древнего аблаутного принципа Гримм усматривал, в частности, в явлении экспрессивных звуковых повторов, характерных для современной немецкой разговорной речи. «Я считаю древним и значительным следующее явление, которое до сих пор еще у нас в ходу. Когда мы, особенно в ходе живого и доверительного рассказа, образуем с помощью удвоения существительные и междометия или раздельно повторяем один и тот же корень, то мы пользуемся гласными *i, a*, иногда *i, a, u*, т. е. чередованиями, идущими из первого или второго глагольных спряжений: *wirrwarr; klingklang; singsang; tischtasch; ripsraps... klippe klappe ... frau kitze, frau katze...*» [5, с. 562].

Древний индоевропейский аблаут Гримм рассматривал как фонеморфологическое явление, продолжающее быть релевантным для структуры позднейших германских языков, и соотносил с ним более поздние вокалические чередования, включившиеся в одну общую с аблаутом систему. В третьем издании Немецкой грамматики он снова подчеркнул структурную роль умлаута, приобретенную им в немецком языке нового времени. Так, например: «Новонемецкий умлаут выступает как необходимое для флексии вспомогательное средство, тогда как ранее он лишь сопровождал ее» [5, с. 96]. И в другом месте: «В древнем языке он сопровождал флексию, лишь случайно оказывая воздействие на гласный корня; в новом языке он стал почти необходимым, помогая замещать утерянные флексии» [5, с. 578].

Взгляд на аблаут, умлаут и преломление как на элементы установившейся в новонемецком языке единой системы функционально значимых вокалических чередований отчетливо выражен в «Истории немецкого языка»: германский аблаут «развернулся в удивительный закон, управляющий флексией всех сильных глагольных корней и от них распространившийся на другие части языка. Преломление и умлаут, которые первоначально имели только фонетическое значение, также стали необходимыми рычагами флексии. В сравнении со всеми другими диалектами это направление развития отчетливее всего проявилось в немецком языке» [7, с. 204].

Из приведенной формулировки с полной ясностью следует, что называя аблаут «законом», Гримм не имел в виду закономерности звуковых изменений, проявляющихся в диахронии, но имел в виду закон-формулу, согласно которой значимые элементы (в данном случае — глагольные основы) как бы самоорганизуются в определенную систему. В более строгом виде эта мысль сформулирована в «Истории немецкого языка»: «Аблаут — это динамическое применение вокалического закона к древнейшим глагольным корням, имеющее своим результатом выявление различия между настоящим и прошедшим временами в чувственной полноте (*in sinnlicher Fülle*). Именно потому, что он включает в себя все соотношения гласных, он коренится во внутреннем основании языка. С ним связаны благозвучие и притягательная сила (*zutrauliche Gewalt*) нашей речи» [8, с. 587]. И далее: «Язык настолько пронизан аблаутом, что, можно сказать, отдельные слова сами собой в него устремляются (*von selbst in ihn ginnen*)...» [8, с. 597].

Собственно говоря, Гриммом был открыт один из законов языковой формы, проявившийся в историческом развитии языковой структуры германского типа.

Теория вокалических чередований Я. Гримма, если ее понимать как определение высокой степени морфонологизма, характерной для строя германских языков, содержала в себе теоретически важное открытие организующей роли внутренних структурных факторов, проявляющейся в процессе формирования и исторического существования языковых систем. Открытие это не было оценено последующей наукой подобно тому, как до сих пор не привлекли к себе должного внимания интересные мысли, высказанные Э. Сепиром более 50 лет тому назад. Напомню некоторые из высказываний Сепира, сохраняющие, как я полагаю, свою теоретическую значимость: «II фонетическая и концептуальная структурность языка обнаруживает его инстинктивное тяготение к форме» [9, с. 44]; «...мы не можем не умозаключить, что языковая форма может и должна изучаться со стороны типов моделирования, независимо от ассоциированных с ними функций. Мы тем более вправе прибегать к такого рода методу, что все языки обнаруживают любопытную тенденцию к развитию одного или нескольких грамматических процессов за счет других...» [9, с. 47]; «...мы выяснили, что у каждого языка есть своя внутренняя фонетическая система, отвечающая определенной модели. Теперь же мы усматриваем, что у каждого языка есть определенное ощущение модели и в области грамматического формообразования. Обе эти скрытые в языке и властно его направляющие к определенной модели тенденции действуют как таковые, безотнositельно к потребности выражения тех или других понятий и к задаче внешнего оформления тех или других групп понятий. Само собой разумеется, что эти тенденции могут реализоваться только в конкретном функциональном выражении. Ведь для того, чтобы сказать каким-то определенным образом, мы прежде всего должны иметь, что сказать...» [9, с. 48]. И наконец: «В основе каждого языка лежит как бы определенный чертеж... у каждого языка есть свой особый покррой. Этот тип, или чертеж, или структурный „гений“ языка есть нечто гораздо более фундаментальное, нечто гораздо глубже проникающее, чем та или другая нами в нем обнаруживаемая черта. О природе языка мы не можем составить себе точное представление при помощи простого перечисления различных фактов, образующих его грамматику» [9, с. 94]. Интересно, что Э. Сепир иллюстрировал свои общие соображения относительно самодовлеющего характера законов формального строения языков фактами взаимодействия отдельных типов вокалических чередований в германских языках.

Если в изучении различных типов конфигурации фонологических систем было многое достигнуто за последние 50 лет, если типы просодических систем всегда признавались в качестве факторов, оказывающих влияние на морфологическое строение языка, то в отношении самих морфологических характеристик, в особенности в том, что касается языков флективного типа, состояние исследований, как это ни покажется парадоксальным, в сущности не очень далеко ушло от уровня классификаций XIX в. В этих классификациях флективный синтетизм древних индоевропейских языков рассматривался в сопоставлении, с одной стороны — с изолирующим и агглютинативным типами, с другой стороны — с аналитизмом части новых языков индоевропейской семьи.

Внутренние закономерности исторического существования флективных структур в сущности мало изучались, если не считать специальных разработок Н. С. Трубецкого и его последователей в области морфологии славянских языков [10, 11].

Возвращаясь к проблеме морфонологизма, который еще Я. Гриммом был открыт в качестве одной из закономерностей формального строения германских языков, следует, заметить, что материалы отдельных языков индоевропейской семьи далеко не в равной мере релевантны в отношении роли этого структурного фактора. В частности, славянские языки, исследованные в этом плане Н. С. Трубецким, обнаруживают довольно ограниченное морфологическое использование фонологических различий,

хотя количество и разнообразие формул звуковых чередований в них относительно велико.

Есть языки, в которых морфологическое использование фонологических оппозиций менее широко в количественном отношении, чем в славянских, но однако играет большую роль в строении парадигм. Наоборот, есть языки, в которых такое использование является минимальным или вовсе отсутствует. Наконец, есть языки, для морфологической структуры которых характерна особенно высокая степень грамматизации чередования. Ясно, что с изучением каждого из этих структурных типов связаны свои особые аспекты теории морфонологии.

Наибольший интерес для общей теории морфонологии представляют языки с более высокой степенью морфологизации фонологических оппозиций, т. е. с высоким уровнем морфонологизма в качестве принципа структурной организации. К этому типу относились древнегерманские языки, а из новых германских — немецкий. Из других новых индоевропейских языков особое место в этом отношении занимает ирландский. Очень примечателен своим морфонологизмом албанский язык, для которого характерно морфологическое использование как вокалических, так и консонантных чередований [12]. Факты албанского языка разнообразят наши представления о возможных путях образования флективных способов словоизменения. Оказалось, что в процессе регенерации флексий, совершавшемся в древнеалбанский период, морфологическое использование возникших в языке новых фонологических оппозиций и фонетических чередований играло очень существенную роль. Как показало специальное исследование [13], происхождение некоторых флективных формантов в парадигмах именного и глагольного словоизменения связано с фономорфологическими процессами. Строгая упорядоченность парадигм албанского именного склонения, детерминированная фономорфологическими условиями, может быть сопоставлена с некогда образовавшейся упорядоченностью фономорфологических разрядов сильных глаголов в древнегерманских языках, т. е. с систематизацией рядов германского аблаута, которая явилась важной морфологической инновацией на пути развития от общиндоевропейского состояния к древнегерманскому. Древнегерманская система рядов сильного глагола представляла собой проявление высокой степени морфонологизма, выразившееся в создании целой серии изоморфных парадигм — на основе комплементарной дистрибуции вариантов индоевропейской схемы аблаута, в зависимости от фонетического состава глагольных основ.

Можно предполагать, что роль морфонологических процессов в образовании языковых структур флективного типа была более значительной, чем это до сих пор учитывалось. И в этом отношении «романтические» прозрения Я. Гримма заслуживают более пристального внимания.

Закончив на этом рассмотрение непосредственной темы данной статьи, остановлюсь еще на одном вопросе, возникающем в связи с теорией вокалических чередований Я. Гримма. При этом воспользуюсь случаем высказать некоторые мысли, возникшие у меня в процессе изучения лингвистических теорий первой половины XIX в. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что авторы их были отнюдь не столь наивны, как мы часто склонны повторять за позитивистами конца прошлого столетия, иногда прямо высмеивавшими их с позиций так называемого «здорового смысла» (вспомним хотя бы известное высказывание И. А. Бодуэна де Куртене о лингвистических взглядах А. Шлейхера).

В наиболее романтически окрашенных и кажущихся наивно-субъективными формулировках Я. Гримма не раз встречаются оценки явлений аблаута с их эстетической стороны. Он говорил о благозвучии, о динамической силе, привносимой в язык аблаутными чередованиями, называл сильный претерит «главным украшением» немецкого языка и т. п. В сущности все это относится к оценочной характеристике закономерностей языковой формы, к которым можно добавить наблюдаемые в различных языках явления изоморфизма, определенного рода симметрии, связанные с наличием релевантных звуковых чередований, звуковых повторов, даже

если за ними не закреплены определенные грамматические функции, наконец, законы сингармонизма.

Принцип эстетической оценки формальных явлений, образующих структуры языков в их особенности и неповторимости, но также, возможно, и в их соответствии определенным типологическим моделям, не может, разумеется, ограничиваться сферой фономорфологии. Он может быть распространяем на все, что относится к области языковой формы, т. е. быть применен к любым формальным элементам, слагающимся в регулируемые внутренними законами языковые структуры.

В этой связи приходит мысль о том, что для современной лингвистики, возможно, настала пора пересмотреть ставшее традиционным высокомерно-пренебрежительное отношение к теории «языковых организмов», выдвинутой на заре развития исторического языкознания и разделявшейся рядом выдающихся языковедов первой половины XIX в. Конечно, сравнение «языковых организмов» с природными допустимо лишь в известных пределах. Разумеется, не может быть даже речи ни о каких «законах старения» языков, «выветривания» и т. п. «Органичность» языка в понимании языковедов XIX в. — это подчиненная определенному структурному принципу строгая упорядоченность соотношения формальных элементов, составляющих конкретную языковую систему. И если в отношении поражающих своей красотой объектов органического мира эстетический подход представляется чем-то вполне естественным, то может быть не столь наивно и даже по существу не столь парадоксально было бы сравнение целесообразности и красоты форм естественного языка с целесообразностью и красотой форм развесистого клена, лошади или дельфина. Однако до сих пор не принято оценивать в эстетическом плане структуры естественных языков, не принято говорить о законах формы, определяющих внутреннюю гармоничность составляющих их элементов, которая проявляется на всех уровнях. Между тем такие моменты, как строгая выдержанность структурных признаков, богатство форм, избыточность грамматических показателей, или же, наоборот, доведенный до пределов лаконизм формального выражения — все подобные свойства естественных языков могли бы послужить материалом для разработки особого аспекта языкознания — эстетики языковых структур. Эстетические законы естественно сложившихся языковых форм, возможно, могли бы оказаться полезными при конструировании искусственных языков, подобно тому, как законы бионики принимаются в расчет при техническом конструировании. В целом, однако, вероятно придется примириться с тем, что эстетика искусственных языков вряд ли когда-нибудь сможет подняться выше эстетики, закладываемой в роботов.

Что касается обусловленных потребностями технического прогресса опытов формализации естественных языков, то это в сущности перевод изучения этих языков в совершенно иное измерение. Теория кодовых функций, присущих любой языковой системе, составляет определенный и, по-видимому, необходимый аспект современной лингвистической науки, но она не может и не должна подменить собой языкознание в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grimm J. Deutsche Grammatik. Tl. I. Göttingen, 1819.
2. Ten Kate L. Aenleiding tot de Kenisse van het verhevene Deel der niederduitsche Spraake. Amsterdam, 1723, S. 544.
3. Grimm J. Deutsche Grammatik. Tl. I. 2-te Ausgabe. Göttingen, 1822.
4. Grimm J. Deutsche Grammatik. Tl. II. Göttingen, 1826.
5. Grimm J. Deutsche Grammatik. Tl. I. 3-te Ausgabe. Göttingen, 1840.
6. Bopp Fr. Vocalismus oder sprachvergleichende Kritiken über J. Grimm's grammatik und Graff's althochdeutschen Sprachschatz mit Begründung einer neuen Theorie des Ablauts. Berlin, 1836.
7. Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. Bd. I. Leipzig, 1853.
8. Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. Bd. II. Leipzig, 1853.
9. Сенир Э. Язык. М. — Л., 1934.
10. Troubetzkoy N. S. Sur la morphonologie. — TCLP, 1929, 1.
11. Troubetzkoy N. S. Gedanken über Morphonologie. — TCLP, 1931.
12. Десницкая А. В. Некоторые вопросы морфологии. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. статей к 70-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.
13. Десницкая А. В. Морфологические процессы в образовании вторичной флексии в албанском языке. — В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979.